

Сицилийская Кереста

Литература

2 марта 1975 года в Вильнюсе скончался русский писатель Константин Дмитриевич Воробьев. Он был известен своими повестями «Это мы, господи», «Убиты под Москвой», где автор поделился с читателем горьким опытом страшной войны XX века. Константин Воробьев родился в Курской области 24 сентября 1919 года.

Свое образование получил в сельскохозяйственном техникуме. С 1935 года работает литературным сотрудником в районной газете.

№7, 29.02.2016

Его повести написаны им, основываясь на личном опыте. В 1938 году его призывают в Красную армию. В 1941 К. Воробьев попадает в плен к немецким захватчикам. В 1943 сбегает из плена и ведет партизанскую борьбу.

Трагичный поворот повести «Убиты под Москвой» отражен в названии. Произведение повествует о подготовке обороны молодыми курсантами. В начале нам рассказывают о солдатах, об их привычках и об их быте. Таким образом, читатель проникается чувствами к людям, волею рока заброшенными на войну.

Далее описывается подготовка к боевым действиям. Маленькая деталь в отсутствии лопат у личного состава подсказывает, что у роты нет необходимых средств к обороне. Разведка сообщает, что рота оказалась в окружении. Капитан не решается сообщить новость личному составу, чтобы обреченные люди могли еще дышать живым воздухом.

Несмотря на проигрышную ситуацию, роте курсантов удается сделать прорыв во вражеский лагерь. Прорыв, за которым следует тотальное поражение. Благодаря К. Воробьеву мы имеем возможность в очередной раз почтить память подвиги героев войны, убитых под...

Неделю назад отмечался праздник 23 февраля, а в грядущем празднуется 8 марта.

Как сообщает Википедия:

«[Праздник 23 февраля] Был установлен в РСФСР 27 января 1922 года, когда Президиум ВЦИК РСФСР опубликовал постановление о четвертой годовщине Красной Армии, в котором говорилось: "В соответствии с постановлением IX Всероссийского съезда Советов о Красной Армии Президиум ВЦИК обращает внимание исполкомов на наступающую годовщину создания Красной Армии (23 февраля)". Первоначально именовался как «День Красной Армии и Флота». С 1946 до 1993 гг. носил название «День Советской Армии и Военно-Морского флота». После распада СССР праздник также продолжают отмечать в ряде других стран СНГ.

«[8 марта] Исторически появился как день солидарности трудящихся женщин в борьбе за равенство прав и эмансипацию».

Каждый День Защитника Отечества ставится неловкий вопрос, кто же его может праздновать? Потенциально каждый мужчина может оборонять Отечество. При этом большинство людей, связанных со службой в войсках, скорее опасны для Отечества. С другой стороны, невоенные мужчины способны защитить своих близких, они являются образцом чести, долга и отваги. Да и женщины тоже служат и защищают Отечество.

В общем, ответа нет, а 23 февраля все поздравляли только самых достойных.

Но вот 8 марта следует поздравить каждую знакомую девушку. Ведь они прекрасны, милы и чудесны. Что есть жизнь мужчины без девушки? Да ничего. Мы бы занимались войной в перерывах между кормежкой. Так что благодарим прекрасную половину за повод собственного совершенствования.

РЕДАКТОРСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Дети Морфея

АЗБУКА НЕДОТЕПЫ

(Выдержки)

(Псевдолитературный памятник случаю и глупости)
Автор этой азбуки не умеет учиться на чужих ошибках и отрицательных примерах, поэтому был обречен собрать достаточный материал и бесценный (читать – «ничего не стоящий») опыт, чтобы самому стать отрицательным примером.

Истина - она, как известно, глаголет устами младенца, ну или кричит, нудно верещит над ухом, но истиной при этом быть не перестает, вне зависимости от возраста дитяти. Случилось это в Турции на отдыхе, где я познакомилась с мамой и дочкой из Смоленска.

Девочка Даша собиралась плавать в бассейне, что было долгожданным и для неё, и для нас с её мамой.

- Я сейчас прыгну как Вася в грязь!

Стоит ли говорить, что, услышав это, я вполне обоснованно возмущилась:

- Почему это «как Вася»?!

- Ну, у нас так поросёнка у бабушки в деревне зовут. Есть Пинки, Розы и Вася.

- И как среди иноземных Пинки и Розы затесался наш русский Вася?

- Ну, он маленький, веселый и неуклюжий... Вася короче.

С этими словами Даша прыгнула в бассейн. Добавив по сути нечего.

Мясо - Клиент всегда прав. Любой работник сферы обслуживания знает это правило. А любой клиент этой сферы свято уверен, что оно превыше всего... Даже здравого смысла. Как-то гость заказал пасту и попросил курицу заменить рыбой - не ест мяса по идейным соображениям. Выношу ему пасту с лососем.

- Девушка, я же сказал без мяса!

- Ну да, с лососем. В чем проблема?

- Здесь грибы!

- И-и-и?

- Грибы это мясо!

- Простите, но грибы это отдельное царство органического мира, как растения и животные...

- Вы это мне рассказывать будете?! Я лучше вас знаю. Заберите!

Со смеху катались все, кто стоял рядом. Гости попросили счет и, не дождавсь сдачи, ушли.

Остановка - Произошло это тогда, когда деревья были большие, а полиция именовалась милицией. По телевизору после 22:00 проникновенный голос вопрошал: «А ваши дети дома?!» Но меня дома не было. Часа через два после того, как карета превратилась в тыкву, а кучер в мышь, остались только тувельки и я на троллейбусной остановке неподалеку от Первой Городской Больницы. В одну минуту я превратилась из Золушки в богатыря на перекрестке. С правой стороны шествовал наряд милиции, суливший мне поездку до дома в

спецмашине, а родителям - вероятно штраф. С левой стороны надвигалась нетрезвая компания из трех человек, с разбитого лица одного из которых стекала кровь. И только троллейбуса так и не было. Выбирая из двух зол, я поняла, что перебежать пустой Ленинский проспект - не самая плохая идея. Однако, на моё счастье, стражи порядка больше заинтересовались предполагаемой ОПГ, чем мной. И я решила остаться на месте, как персонажи картины Васнецова - посмотреть, что будет дальше. Но жизнь - это череда взлетов и падений, моя радость в один момент сменилась испугом, когда наряд продолжил своё шествие, а воодушевленное трио энергично направилось в мою сторону. Адекватно оценивая свои возможности, должна признать, что бегаю я плохо. Но инстинкт самосохранения берет верх, поэтому "хочу испуг не показать и ретируюсь задом".

- Девушка! Девушка! Да стойте вы!

В тот момент, когда я уже готова была во весь голос призвать к заступничеству правосудия в лице удаляющихся стражей правопорядка, прозвучали заветные слова:

- Вы просто скажите, где здесь травмпункт?!

Я никогда в жизни с таким энтузиазмом не объясняла дорогу.

Рефрежератор - самая нелюбимая буква алфавита, разумеется, буква Р. И если в детской шутке просят сказать "рыба", то мне достаются оранжерея, оркестр, реформы и всякое такое прочее. Вместо стихов с табуретки я читала друзьям "в недрах тундры выдры в гетрах тырят в ведра ядра кедра", и еще час разговаривала, не используя слова с этой буквой... На работе дела обстоят не лучше. «Ведро Шоферхова, чедер барбекью бургер прожарки медиум рэ, на десерт морковный торт и карамельный ройбуш» - шуточный "заказ", который придумали сотрудники для картавящих коллег.

Кому спасибо, так это родителям, которые в последний момент передумали называть меня Варварой... По-моему они что-то подозревали.

Фары - случилось это еще в те времена, когда я хотела стать врачом, что навсегда отразилось в моем ужасном почерке. Я ездила на курсы во второй "МЕД", эти поездки всегда оказывались какими-то сумбурными, но я хочу рассказать об апофеозе странностей. Зима, мороз, вечер, от остановки до университета минут 15 пешком. На моем маршруте недалеко от пункта назначения прорвало трубу горячего водоснабжения. Получился этаким Сайлент Хил местного разлива горячей воды по русским ухабистым дорогам. Под сапогами в лужах чувствуется кипяток, из-за густого пара видимость нулевая - вытягиваешь руку, а пальцы растворяются в тумане. Некоторые автомобилисты, право имеющие, которым, разумеется, больше всех надо, решили поехать по тротуару, созданному для тварей дрожащих и к тому же - промокших насквозь.

Впереди вижу приближающийся свет фар, сулящий стать светом в конце туннеля, потому как, судя по высоте - едет джип, и если я его фары вижу смутно, то он, очевидно, не видит меня вообще. Вокруг огромные сугробы, что ж - время познать все состояния воды, вплоть до кристаллического и рассыпчатого. Все лучше жесткого металлического бампера...

На курсы я, конечно, опоздала, не сильно расстроившись, впрочем, но, откашливая воду из бронхов и лёгких. Порадовали веселые студенты, один из которых со свойственным врачебным цинизмом замотал лицо шарфом и ушел в туман, вытянув вперед руки, покачиваясь и злобно завывая. Визгу было много.

Цефазолин - По сути - белый порошок, употребляемый внутрь. Совсем внутрь. Через иглу. С него началась следующая история. Угораздило меня как-то зимой заболеть пневмонией. Четвертый раз за полгода. Моя терапевт уже не знала, что со мной делать и отправила меня на уколы с этим чудо-антибиотиком. Два я перенесла стоически. Третий пошел плохо. После него посидела я минут 15, уткнувшись носом в ватку с нашатырным спиртом в процедурном кабинете, и тут меня осенило - этажом выше есть кулер с водой. Вода - источник жизни. Надо на третий этаж. Кое-как поднявшись по лестнице, до кулера я все-таки не дошла. Вместо этого - весьма не эстетично завалилась на кожаный диван, подвернувшийся под голову. Попросила сидящих сзади людей дать мне воды. И вот тут проявились чудеса логики. Сердобольные больные позвали двух медсестер, а те в свою очередь - завотделения. Мой рефрен о просьбе воды результатов не принес. И заведующая загасила меня в свой кабинет, который и был аккурат напротив дивана и недалеко от несчастного кулера. Положила меня на лавку. Решила давление померить. А что там мерить, когда у меня губы посинели, а перед глазами калейдоскоп. 80 на 40 - в космонавты не возьмут, обидно.

Но я дышу. И очень хочу воды, к слову. И тут открывается дверь... Есть люди, которые умеют появиться в нужное время в нужном месте. Так вот, это был не тот случай. Заходит моя терапевт. Ну, вернее делает шаг и столбенеет. С утра она видела меня, не здоровую, конечно, но более живую. А тут я лежу с лицом цвета "помогите, умираю, священника мне". - Орлова... ну... ну как... ну что опять?!

Потом мне мерили температуру, провели этакий совет в Филях над моим бранным телом и решили меня сдать - в дневной стационар под капельницы. Кстати, воды мне так и не дали.

Чартер - прошлым летом я совершила весьма странный поступок с точки зрения человека, знающего меня, сколько я себя помню и не помню - меня самой. Я решила поехать отдохнуть одна. Без лишних слёз и долгих проводов заказала в ночь отлета такси и приготовилась писать смс-отчёты о продвижении экспедиции. Дольше всего я собирала

аптечку. Когда мои родственники увидели финальные простой и эластичный бинты, они уже всерьез стали сомневаться в надежности этого предприятия. Но действуя по принципу Василия "мужик сказал - мужик сделал", в конце концов, я оказалась в Домодедово в ожидании чартерного рейса вся такая серьезная с чемоданом, огромной аптечкой, необходимыми документами и предательски торчащим из сумки плюшевым медвежонком, символизирующим патриотизм и то, что банально страшно улетать совсем одной. Подхожу к стойке паспортного контроля, отдаю документы. Служащая чего-то ждёт. После нескольких секунд молчания:

- Вы без сопровождающих?

- Ну да...

- Ну вы привстаньте как-нибудь, чтобы я лицо с фотографией сверила.

В остальном полёт прошёл довольно спокойно. Но стойку можно было сделать и пониже, не такая уж я и маленькая.

Штраф - курение зло. Курение в общественных местах - дорогое зло. Как-то раз, возвращаясь с собрания на работе со сменщицей, мы решили покурить у метро. Материализовавшийся рядом непреклонный к уговорам сотрудник полиции заставил нас скоротать ближайшие 1,5 часа в отделении. Это было волнительно, у обеих из нас это был первый раз, и тем более драгоценно, что в эту минуту мы были вместе - до этого в полиции ни ей, ни мне бывать не приходилось. Выйдя из отделения с заветным штрафом, мы прикидывали, где бы найти Сбербанк. Как оказалось, он действительно "всегда рядом" - прямо напротив полиции.

Я - это не я. Оно само. Так получилось. Иногда меня, конечно, посещают мысли, действительно ли я взрослый самостоятельный человек, у которого есть паспорт, и которому можно передвигаться по улице без сопровождения. Но я их сразу отметаю, просто потому что так веселее.

Послесловие:

Да здравствует случайная глупость и глупая случайность! Потому что случайности не случайны, а глупость относительна. Ну и мне не хворать.

ВАСЯ

ГОЛОСИСТЫЕ ЛЮДИ

Ты был изгоем в школе, во дворе.
Тебя дразнили ботаном и бабой,
А ты, забившись в маленькой норе,
Все забывал и бился с Али-Бабой.
Тебя встречали Шляпник и Пьеро,
Как только доставал ты с полки книжки.
Старинное чернильное перо
Вело тебя по улицам парижским.
Звенел Горбун и плакал Гуинплен,
Когда твой взгляд бежал от строчки к строчке.
Вставал несчастный Дон Кихот с колен
Пожать твою молоденькую ручку.
Ты не боялся Ктулху и чумы,
Бесстрашно шел на дело вместе с Холмсом,
Легал на Карлсоне до Лисоньки-кумы
И угощал его холодным сладким морсом.
Ты постигал волшебные края,
Ты был умнее сверстников-олений.
И год за годом разум свой кроя
Ты стал героем многих поколений.

НИКИТА РОГОЖИН

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА.

Стоило ли того? Да нет, не стоило...
Давать надежду человеку маленькому,
никчемному.
Разжигать в нём любовь до
исступления,
А потом забирать всё с собою.

Играться, когда рядом есть мужчина,
Богатый, хороший, умный и добрый.
Ради чего была эта измена?
Чтоб отнять всё у того, кто ничем не владеет.

А как теперь ему жить, скажи-ка?
Он жил в своём мире, спокойном,
безбрежном,
Не знал о любви и не таял надеждой,
А теперь только тлеет серою жизнью.

Не может забыть того света,
Что душу грел, хоть глаза обжигал он.
А теперь ему только и остается
Обливать кровью своё разбитое сердце.

Для тебя он ничем не останется в
памяти,
Для него же - ты - была всем на свете.
Где награду возьмет за страдания?
Кто же пожалеет маленького человека?

СЕМЕН БЕРЕЗОВ

"ЕГО ИМЯ"

Имя его - рубиновый свет
Среди серого, тусклого неба,
Имя его - оберег-амулет,
Охвативший мне душу запретом,

Имя его - гром среди пустоты,
Раздающийся болью в сознании,
Имя его - скрытый страх, даже ты
Произносишь его с придыханием,

Имя его - опасный клинок,
Поражающий снова и снова,
Имя его - лавровый венок
И клеймо на челе от позора,

Имя его - ликующий крик,
Возвещающий всем о победе,
Имя его приручило язык,
И теперь он лишь им только бредит,

Имя его - вколоченный гвоздь,
Который не выдернуть, видимо!
Сердце стрелою пронзает насквозь
Дрожащая средняя литера!

Имя ему - Легион, ибо он
Не в одном существует облиции.
Имя его - это хрипы ворон -
Чёрных демонов в облике птичьем.

Имя его - неистовый рык
Безрассудного хищного зверя,
Имя его - бесконечный обрыв,
Но в него упаду, не робея!

Имя его - и тянет, и гложет!
Имя его - всех сокровищ дороже!
Имя его - беглой дрожью по коже!
Имя его - моё имя тоже!

Послушайте!
Если звезда бросается
С грохотом
Прямо с краёв небосвода,
Значит, наверно, желает узнать потом,
Что же такое свобода!

И срываясь
с привычного места,
Летит, разливаясь свечением,
Золотая
немая
невеста
И просит у всех прощения.

И спутники те,
что привыкли к молчанию
При блёклой звезде небесной,
Вдруг вспыхнут сиянием
зло и отчаянно,
Потерю осмыслив столь честно,

Поймут,
что без доброго света,
что в строе
Был, может, не очень заметен,
Не знаешь бывшего
вселенского зноя
И чувствуешь яростный ветер!

Светила лишь робко
поникнут, поспорят,
Познают, как бытность расплавится.
От прежнего странного
звёздного горя
Совсем
ничего
не останется

Одни вопрошания к Богу лунатиков:
"Она не вернётся...
..скажите...
.. да?"
И рыжих комет
записки по памяти:
"Вот здесь когда-то была звезда..."

ЛАДА ЛАДНАЯ

С ДНЁМ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА!
Мужчина - воин и защитник,
Мужчина - честью слово держит,
Мужчина опора всей жизни
в трудное время защитит и поддержит.
В семье как крепкая стена
Стоит горою за любовь
И вдруг ли грянет гром война
Он на врага встанет вновь.
А над миром сейчас тишина
Лишь слышен стук сердца солдата
Будьте за Родное Отечество братья!

ПОЛИНА ШАТАЛОВА

Утопленник-город встречает меня:
Каналами, церквями, мостами.
Не так. Утопленник-город, звоня
То, что внутри, меняет местами
С тем, что снаружи. Улыбку
В душу, грусть на лицо,
Он совершил ошибку,
Не сделанную отцом.
Собственно, батя – никто:
Он прошлых лет канитель,
Схожи губастым ртом,
И оба любили метель.
«Город-утопленник» - друг,
Спичками не отогреть.
Мёртвый мой Петербург!
Я приезжаю стареть!

Узрите смерть в интерьере
Сцены целованной в пол,
Даже в Аду Алигьери
Я не достал бы ствол.
В ряды опустевших кресел
Смотрю, как на рубежи.
Недавно ещё был весел,
Теперь будто съел рыбий жир.
Какой-то Понтий-каратель,
Отключает последний софит,
Меня окликает приятель...
Но я иду в зал как в Аид.

Бог обитает в Кремле:
Русский Бог, получивший гражданство.
Пусть поэты, болтаясь в петле,
Прекращают борьбу и жеманство,
Русский бог обожает стрелять,
Он всегда попадает в мишени,
Так хоронит Есенина мать,
А Цветаеву ждут униженья.
Русский бог почему-то грузин,
Он впечатался в Русь, как штамп.
Он убийца и список длин.
Сохрани же их прах Мандельштам.

АНТОН КОБЕЦ

бумага в кожу превратилась,
отвратилась и празднично Умерла -
и от праздника что-то вызрело,
и на празднике это дернулось.
тело детское - платье мокрое,
где не тонет свет,
где светло и днём
растормошенным.
тело детское - бусы белые,
бусы ношены преухожены -
из под капли, да под колодками
тихо цокают - бусы давятся,
хруст вприкуску за небом давится.
тяжесть жирная
дети брошены
многоточием по полу разброшены -
это подиум домом-городом
тут возрос:
все бумажные - не горящие
под колодками-детьми хрустящими,
кто вприкуску ест - хрустом сглошены,
кто водою льет - пеной взброшены.
дети - нЕдители
выйти Обойти,
руки связаны, но разношены:
так готовьте всё, что подымится,
я возьмусь за вас "вскОльзни
выскользни".
платье мокрое,
дети жирные,
масло тонкое, еле видное.

ГЛЕБ ПИХЛАКАС

Я засыпала, когда просыпался город,
Маленький город, где я родилась и
жила.
Он мне казался чудесным: не стар и не
молод,
Он просыпался, когда засыпала луна.

Улицы тесные мне не казались такими.
Ножками-крохами я изучала асфальт.
Я в это место теперь возвращаюсь с
другими
Мыслями, чувствами. Мне почему-то
не жаль.

Мне почему-то не жаль карусельного
детства,
Я, в самом деле, о нём не скучаю
давно.
Новая жизнь затянула меня в
неизвестность,
Где я отважно борюсь с миллионами
"но".

Я не скучаю, но вдруг, иногда, по
приезде,
Шрам заболит на колене, и вспомнится
мне,
Как за подружкой бежала, а после мы
вместе
Шли подорожник искать, чтоб
приклеить к ноге.

Вспомнится мама со скляночкой
страшной зелёнки.
Брат, что шутил над слезами моими
тогда.
(Я была громким и очень плаксивым
ребёнком.)
Папа твердил: "потерпи, это всё -
ерунда".

Я засыпала, когда просыпалось солнце,
(Если мне в школу не было нужно
идти).
И каждый раз новый день был моим
незнакомцем.

Где же теперь непохожие, разные дни?

АННА АРХИПЕНКО

Расчастило воду о зеленое.
Разэхало ее, раздергало.
Бугор, свалившийся в озеро,
Отказывается от прошлого.
Космический мусор осел пляжем.
Волдырь облака
Напомажен.
Я сюда аккуратно посажен,
Берегу рубаху,
Не цвету, не пахну.
Иногда семья снится
2) Отказаться
1) Свалиться

Я люблю тебя возле дерева
Замини-ро-ванного.
Босяком босиком охвачена,
Разминание тела нервного
Разминание тела неровного
Разминание тела неравного

Однажды полез я за словом в карман,
Там было много фантиков, мелочи.
Так я однажды впервые солгал,
Но зато выиграл в нолики-крестики.

ТАКТИКА

Маленькими шагами по второму кругу.
Измерь ширину бездны
. Умножь единицу
Войди в минуту
Как ноготь ушибленный сползает
дорога, слезает крыша .
Не дай услышанному себя растрогать.
Так
Так
Так
Так Тик
Тик
Тик
Тик

А

ВИТАЛИЙ КРЫМОЛЬ

Дообъятыурги

БОЛДЫРЕВ И ЗЕМЛЯНСКИЙ СУПРОТИВ ЗЛА.

Пьеса.

Действующие лица:

Болдырев — алкоголик и бабник,

Землянский — бабник и алкоголик,

Зло,

Хор ангелов.

} *Оба студента, в которых неожиданно проснулась тяга к знаниям.*

Действие I.

Две недели до сессии. Комната в общежитии.

Бардак, пустые бутылки, дым коромыслом.

Болдырев и Землянский сидят за столом.

Землянский (ехидно улыбаясь): ...Они мне говорят, мол, учись, дурак, а я молчу, сам думаю: бездельничать буду, вола пинать. Господи, - думаю я, - Какое мещанское существование ведут эти ботаники. Конспекты пишут, ходят на уроки, на семинарах руки тянут, делами якобы занимаются. А я вот сижу здесь с тобой, пью, колдырю, в запой ухожу, и всё мне трывнь-трава.

Болдырев: Ох, истину глаголешь, друже. Было в житие моем всяко, но в первый раз зрю, чтобы так яростно люди знаний жаждали, яко мертвые воскресения. Не люблю я дела сии, грешник, в школе бо надоело учиться. Мнится мне, паче всякого учения лучше водку пить день деньской, да с девками красными гулять ночи напролет.

Землянский (прикуривая сигарету): Да, товарищ мой, друг, камрад и собутыльник, согласен я с тобой, солидарен, полностью поддерживаю твою точку зрения. Так выпьем же, накатим, так сказать, употребим. А потом сходим. Сбегаем. Сгоняем. За водкой-то. За водицей нашей огненной. А то мало осталось. На самом доньшке.

Разливают. Пьют. Собираются идти, но вдруг прямо с потолка комнаты спускается хор ангелов.

Хор:

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...

Кажется, нет, в ситуации этой сей стих не уместен.

Видим сынов мы поволжских, в разврате по горло увязших.

Знаниям их мозг не покорен, сердца в алкоголе утопли.

Болдырев: (истуганно) Изыди! Изыди! Каюсь, грешен есмь. Чаю, Землянский, допился я до смертушки лютой. Гостей незваных вижу.

Землянский: Безусловно, конечно, естественно. Допились, допрыгались, дошалберничались. Но есть идея у меня, мысль интересная. Давай хотя бы спросим их, чего им надобно. Поинтересуемся. *(хору)* Чего вам надобно?

Хор:

Здесь мы находимся, братья, чтоб грешных к ученью подвигнуть.

Знаем о вашем паденье, но помним заслуги былые.

Сессия скоро грядет, а с нею и боль исключенья.

СРЯ не сдадите, куда вы ста словарей не найдете.

Болдырев: Чудны мне словеса сии. Чего же нам делать?

Хор:

В путь отправляйтесь, ребята, на знания меняйте бутылки...

Землянский и Болдырев собирают тару в большой черный мешок. Уходят, тихо и злобно матерясь.

Действие II.

Дорога к библиотеке. Хор торопливо подметает улицу. На сцене появляется Зло в виде седовласого старца в фиолетовом балахоне. В руках у него посох.

Зло: Вы, братки, кажись, рамсы попутали. Пацаны к успеху шли, а вы в парашу эту ученую толкаете. Не по понятиям это, ребят.

Хор:

Что говоришь ты, старик, и откуда пришел ты, убогий?

Где пропитался жаргоном, и что твою речь загубило?

Видим, что к знаниям светлым ты злобою адовой пышешь,

В царство Аида стремишься увлечь ты мужей благородных.

Зло: Вы чё, дятлы, тупые совсем? Я ваще по жизни Зло. Чё бы вы им не гнали там про науки ваши вшивые, я эт дело так не оставлю. Я из них нормальных четких ребят сварганю. Так что канайте отсюдова, черти!..

Хор:

Души ребят этих были грязны и пороку они предавались,

В этом с тобою согласны, но впредь не смутить их обманом.

Зевс-громовец над ними опеку берет, и отныне

Будет звездой путеводною им светлоокая дева Паллада.

Зло:

Ну ничего, козлы, рано радуется. Я вам покажу Кузькину мать. О, вот и они. Шкандыбают, лохи. Сейчас на понт брать буду. *(прячется в кусты)*

Действие III.

Там же, те же и Болдырев с Землянским.

Болдырев: Ах, не ведаю, как прежде того жили мы с тобою, брат. Аки звери дикие во лесах...

Землянский: И сам не знаю, не представляю даже. Но как же всё таки чудесно, прекрасно, замечательно, что, сдав бутылки — хрустальные памятники нашей прошлой жизни — мы купили тетради, билеты в наше светлое будущее. Теперь ничего не помешает нам учиться, грызть руду знаний.

Зло *(проворно выбираясь на дорогу)*:

О! Собрание сочинений Пушкина мне поперек горла, кого я вижу! Ну чё, здорово, пацаны. Куда лыжи наострили?

Болдырев: Окстись, старче, почто Пушкина хулишь, сокровище наше и достояние российское?

Зло: Да ладно, чё ты, я же без претензий. Так куда идете-то?

Землянский: Мы держим путь... направляемся в библиотеку, в святая святых каждого студента, не лоботряса. Каждого ученого человека, а не невежды.

Болдырев: Ученье свет есть, а неученье — исключение...

Зло: Белку словили, что ль? Где это видано, чтобы ровные пацаны по библиотекам ходили и книжки читали? Айда накадим лучше!

Землянский: Нет. Ни в коем случае. Никогда. Ни за какие деньги. Я не променяю знания на бутылку. Уж лучше умру, уж лучше жить не буду, но не вернусь к прежним своим привычкам, зависимостям, страстям.

Болдырев *(Злу)*: Слаще меда мне мудрые речи Землянского, не хочу и я боле душу свою губить. Прощай, странник, иди своею дорогой.

Уходят.

Хор:

Видишь теперь, как божественный свет в их сердца проникает?

Больше не станут они, словно свиньи в загоне, беспечно

Жизнь прожигать и в стакане искать утешенья.

Труден сей путь и тернист, и лишь стойким он будет по силам.

Зло: Заколебали меня эти придурки, гундосят, разорались тут. *(передразнивая хор)* Свет! Ха, путь... Мораль мне читать будут, валенки. В этой, в библиотеке на место их поставлю, беспредельщиков.

Действие IV.

Келья в библиотеке. Болдырев и Землянский усердно пишут конспекты по Современному Русскому Литературному Языку.

Землянский: Как интересно, как увлекательно, какой дивный мир открылся передо мной!

Болдырев: Не верю очам своим. Думаю внимаю, не плоти. Доселе неведомы были мне науки, как слепец на ошупь мыкался я из края в край. Теперь иное — разум мой грешный озаряет свет учебы.

Зло проходит мимо в виде трех прекрасных дев.

Землянский *(глядя на них)*: Ах, какие женщины! И каждая красива, желанна, обворожительна. Да и вообще, что в этом мире может быть важнее женщин? Вот раньше, до того, как я ступил на этот зыбкий путь ученья, я ведь только ради них, неповторимых, и жил. А что сейчас? Словари? Выписки? Домашние задания? Махну-ка я на всё это рукой. Наплюю. Так, куда они там пошли? В какую сторону каблучками поцокали? *(бросает книгу и уходит в сторону, куда удалились девы)*.

На столе у Болдырева появляются бутылка портвейна «Агдам» и стакан. Это козни Зла.

Болдырев: Жажда обуяла гортань мою. *(поднимая голову от тетради, видит алкоголь)* Пагуба... Дурман лет моих минувших. Разве пригубить чашу сию?

Тянется к бутылке, в этот момент возвращается Землянский с тремя небесной красоты девами под руки.

Хор:

Стойте! Ужель вы хотите вернуться в пучину Содома? Внемлите гласу небес и скорей к словарям возвращайтесь.

Зорко следит за учением вашим Зевес-громовержец, Станете, знанья обретши, бессмертным богам вы подобны.

Болдырев и Землянский вместе: Истинно!..

Девы и алкоголь превращаются в пепел. На сцену, повесив голову, выходит Зло.

Зло *(стесняясь)*: Господа, я был неправ. Ох, как неправ я был, господа. Я считал, что увлечение пороком есть высшая степень человеческого удовольствия, против которой не может устоять никто. Лишь на вашем примере я убедился в ложности своих воззрений. Подвиньтесь же, дайте мне вон тот большой словарь.

Действие V.

Зал с люстрой. По периметру бюсты ученых, на стенах портреты великих поэтов прошлого.

Болдырев, Землянский и Перевоспитанное Зло получают красные дипломы.

Болдырев: Блажен, кто живот свой посвятил наукам, ибо на них зиждется бытие.

Землянский: Как же я рад, как же счастлив, в каком небывалом восторге я пребываю!

Зло: Спасибо!

Хор:

Блудом и пьянством больны были два этих мужа, Третий же, злобой исполнен, по свету скитался беспечно.

Ныне собой воплощают смирение, волю и разум.

Будет навеки прославлен в народе их доблестный подвиг.

МАКСИМ ЗЕМЛЯНСКИЙ и ВАЦЛАВ БОЛДЫРЕВ

ПРЯТЫЕ РЕДКОСТИ

С. Чупринин, Русская литература сегодня: Новый путеводитель. – М.: Время, 2009. – 816 с., стр 176-177

Бакин (Бочаров) Дмитрий Геннадьевич родился в 1964 году в Донецкой области. Работает шофером.

Дебютировал в 1987 году: журнал «Октябрь». Изредка печатал рассказы в журнала «Октябрь», «Огонек», «Знамя» и после 1998 года ни разу не публиковался, если не считать появления главы из его нового романа на страницах нью-йоркского журнала «Время и место» (2007, № 2). Самый загадочный из современных авторов, Бакин никогда не появлялся в редакциях и ни разу не присутствовал, даже на церемониях вручения ему литературных премий. Но среди знатоков он котируется чрезвычайно высоко. Так, по оценке М. Синельникова, «прозы такого уровня у нас не было лет тридцать. Вероятно, имеет дело с великим писателем» («Литературная газета», 28.08.1996). Во Франции его называют «русским Камю», нашим рецензентам обычно приходят на ум сравнения с А. Платоновым, а по словам К. Степаняна «у тех, кто читал Фолкнера, в первую очередь, возникают ассоциации с автором “Авессалома”» («Знамя», 1996, №5).

Книги Бакина в переводе были изданы во Франции, в Великобритании и Германии.

Отмечен премиями журналов «Огонек» (1989), «Знамя» (1995), «антибукеровской» премией «Братья Карамазовы» (1995).

Книги Д. Бакина

1991 – Цепь: Рассказы. М.: Правда. (Библиотека журнала «Огонек»)

1996 – Страна происхождения: Рассказы, СПб.: Лимбус Пресс.

ОРУЖИЕ

Первым делом он сжег все книги, картины, репродукции и фотографии, пола гая, что они могут сбить с толку, попадаясь на глаза, или могут просто мешать, когда дело дойдет до осады. На это ушел весь день, но не потому, что их было много, а потому, что они медленно горели. Кожаные переплеты книг и позолоченные рамки картин приводили его в отчаяние. Он неподвижно стоял перед камином в длинном коричневом халате и дырявых тапочках и думал о том, что у него мало времени, мало времени, и смотрел, как огонь давится кожаными переплетами старинных фолиантов, точно собака, которая не может проглотить забитую в глотку кость. Позолоченные рамки огонь обходил стороной, как воду, и он подумал, что они не деревянные, или деревянные, но обмазаны толстым слоем окаменевшей замазки. Сами картины давно сгорели. Наконец, кожаные переплеты рассыпались прахом, а позолоченные рамки, не тронутые огнем, запылали под его неистовым взглядом, и тогда он свалился в кресло без сил и почувствовал, что упал с невыносимой высоты, как если бы бог упал на землю; почувствовал себя тяжелым и смертельно уставшим для всего, что предстояло сделать.

Когда силы вернулись к нему, на улице была гроза.

Он вышел на террасу, посмотрел в лес и подумал, что, если они пойдут на него сейчас, все будет кончено и не нужно было ничего сжигать.

Он постарался не думать об этом.

И тогда он подумал: если они двинут на него пушки, танки, самоходки, для того чтобы сровнять с землей все то, что испокон веков равно земле, он будет бессилён что-либо сделать. Это привело его в отчаяние, более глубокое, чем то, которое он испытал, когда кожаные переплеты и позолоченные рамки не горели в огне.

Он постарался не думать об этом.

И тогда он подумал: они могут поднять самолеты, которые уничтожат его, и уничтожат все, что не являлось им, на тысячи миль вокруг.

Но он сказал: нет, они не двинут на меня танки и не поднимут самолеты. Это все равно что снаряженный для атомной войны корабль выпустить в море, чтобы он разрезал лопастями одну медузу.

Он постарался не думать об этом.

Он зашел в спальню, открыл гардероб, достал старую военную форму и маскхалат, который маскировал лишь на траве, под бликами солнца. Нашел под кроватью одежную щетку, смочил ее водой и тщательно вычистил форму и тяжелые, в заклепках, сапоги. Раз делся и принял холодный душ. Потом надел форму и сапоги, тяжесть которых приковала ноги к полу, а по верх формы надел маскхалат и почувствовал себя де ревом, которому предстоит ходить. Мало-помалу он привык ходить в сапогах и привык не обращать внимания на собственную медлительность, полагая, что черепаха обязана долголетием своей медлительности. Он подумал: думать необходимо так же медленно, как двигаться, иначе умрешь внутри гораздо раньше, чем снаружи. Кроме того, необходимо замедлить бег крови в жилах - тогда меньше износ, потому что слабее трение; замедлить частоту ударов сердца, потому что молоток, которым забьют тысячу гвоздей, изнашивается раньше молотка, которым забьют один; приостановить стремительность мысли до медлительности часового маятника - вот в чем секрет.

Он заснул в кресле далеко за полночь и проснулся в полдень с мыслью о танках и самолетах. Он заметил, что при мысли о танках и самолетах у него дрожат руки и ноги, выпадают волосы, слабеет зрение и цепенеет мозг. И он понял: если постоянно

думать о танках и самолетах - не проживешь дольше бабочки. А потом подумал, что давно у них в руках. Прислушался и глубоко вздохнул. Было тихо, и тогда он вспомнил о бесшумном убийстве; и тогда от отказался от еды и воды, потому что все это могло быть отравлено, и понял, что в конце концов придется отказаться от сна, потому что во сне человек беспомощен, как вещь.

Он постарался не думать об этом.

Спустился на первый этаж и проверил, заперты ли замки и засовы входной двери. Убедившись, что отсюда они не смогут проникнуть в дом бесшумно, он проверил засовы на ставнях всех окон первого и второго этажей.

И тогда он подумал о террасе, которая выходила в лес. В глубине сознания он твердо знал, что они придут из леса и сначала попробуют захватить просторную террасу. Теперь он понял, что знал это всегда и родился слепым, немым, глухим, но твердо зная, что они придут из леса и сначала попробуют захватить просторную террасу.

Он установил на террасе два станковых пулемета, и лишь на то, чтобы их туда вытащить, ушло полдня. Намертво закрепил, прикрутив наваренные стальные пластины стоек к полу террасы огромными болтами, какими крепятся высоковольтные столбы, для того, чтобы пулеметы не повернули против него, если терраса все-таки будет захвачена. На случай захвата террасы он установил в комнате напротив ручной пулемет, диск которого был заряжен разрывными пулями с крестообразным надрезом и полостью в головной части. Он установил ручные пулеметы в каждой комнате и снял с предохранителей, потому что потом на это могло не оказаться времени.

И вновь подумал о самолетах и танках, и мозг сковало отчаяние.

Но он сказал: нет, они не двинут на меня танки и не поднимут самолеты. Это все равно что снаряженный для атомной войны корабль выпустить в море, чтобы он разрезал лопастями одну медузу.

Он стоял на террасе лицом к лесу, между станковыми пулеметами, лафеты которых были зафиксированы стальными штырями влево-вправо на горизонтальный разворот стволов в радиусе тридцати граду сов. Он думал: если они пойдут на террасу клином, левый станковый пулемет он укрепит, повернув ствол до предела вправо, и поставит кусок арматуры в распор на гашетку, а за правый станковый пулемет встанет сам, потому что от правого станкового пулемета ближе до двери в комнату перед террасой, куда он будет отступать. Таким образом он противопоставит клину

противника конус пулеметного огня из двух точек, то есть клин в клин. Но если внешние стороны клина пулеметного огня работают, то внутри клин пологий. И тогда он просчитал в шагах расстояние от одного станкового пулемета до другого, высчитал радиус разворота стволов и высчитал расстояние до точки, где пулеметные очереди пересекутся, образуя конус. И тогда он взял топор, сошел с террасы на землю и прошагал высчитанное в шагах расстояние до точки и сделал крупную зарубку на стволе дерева - и это была точка, где пулеметные очереди пересекутся.

При проходе клина противника в непростреливаемое станковыми пулеметами пространство полого конуса оба пулемета теряют значение, и он будет вынужден отступить в комнату перед террасой, за ручной пулемет с разрывными пулями, и стрелять через двери, ведущие на террасу поверх парапета. В этом случае ручной пулемет, установленный в комнате, окажется важнее двух станковых, установленных на террасе и предназначенных лишь для того, чтобы уложить единиц столько, сколько он успеет, пока они не прорвутся за отмеченное зарубкой дерево.

Но он сказал: они не пойдут клином.

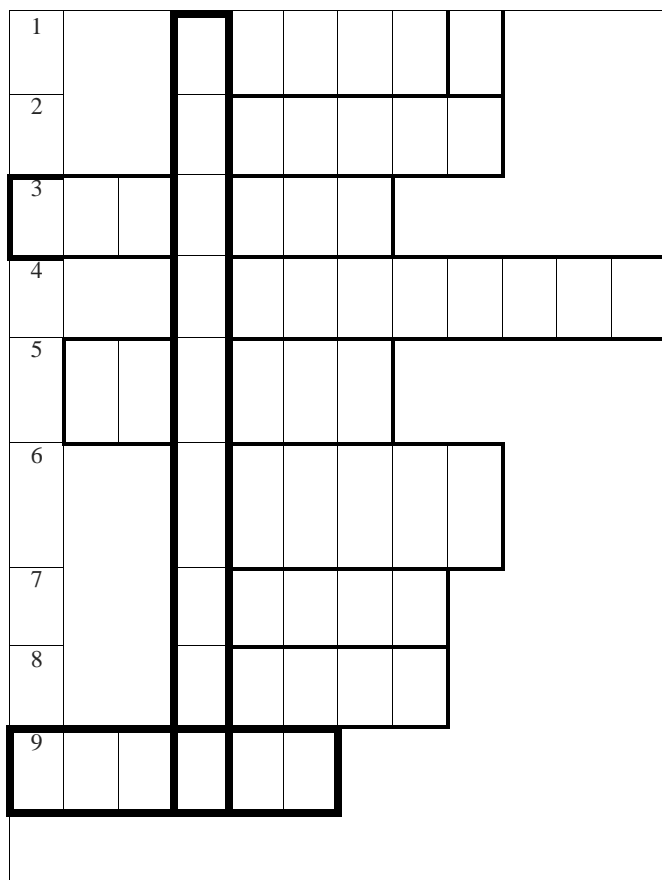
Если они пойдут фалангой - сомкнутым строем - с последующим окружением дома, один из станковых пулеметов, точнее, левый без стрелка с закрепленным в одном положении стволом, почти теряет значение, так как от его пуль легко вернуться. И если они на время откажутся от захвата террасы, остается ждать нападения со стороны входной двери, после того как они окружают дом, но и террасу бросать нельзя.

Он постарался не думать об этом и не думать о голоде и жажде, прекрасно понимая, что глупо отравиться сейчас, когда все, что он хотел сделать, сделано, и необходимо только ждать.

Он еще раз прошел по комнатам, проверил пулеметы, и поцеловал ствол каждого, и поцеловал нож, который держал при себе и лезвие которого звенело, как хрусталь.

Пеплом из камина он нарисовал стрелки на стенах комнат, заранее определив и указав себе путь отступления - из комнаты в комнату, и подумал, что этот маршрут действителен, если он поведет оборону дома, начиная с террасы. Кроме того, он нарисовал на стенах комнат курсивные стрелки - путь отступления, которому он должен следовать, если нападут со стороны входной двери и отступать придется, начиная с прихожей. И те и другие стрелки сходились в самой дальней угловой комнате, где не было ни мебели, ни пулеметов, где много лет назад он родился.

ЛИТЕРОСВЕРД

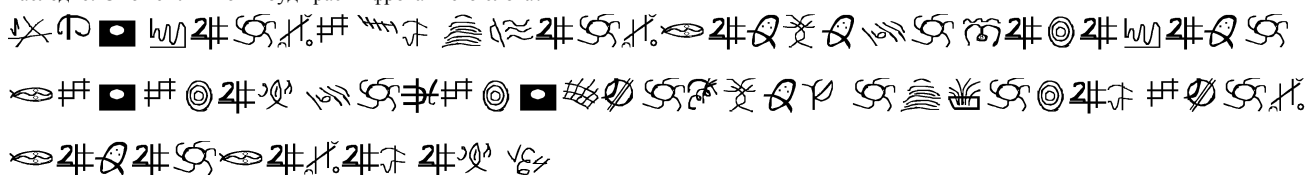

Ключевое слово: Политический деятель, отменивший 3 марта в I году такого-то века, такого-то десятилетия, I года кое-что.

1. Мечта публичного писателя. Часто также употребляется в выражениях «спектакль прошёл с ...», «сегодня в театре ...», означая, что все билеты были проданы, то есть спектакль, представление, концерт и т. д. пользовались большой популярностью у зрителей.
2. Автор произведения про «очарованного» коневода, который под конец жизни пришел к Богу.
3. Город, известный своими навадненными переулками и поющими романсы гондольерами. Воспевался группой «Дама Крести».
4. Мифологический персонаж, героиня Трои. Предсказывала городу величайшие беды, однако ей никто не верил.
5. Часть света, из которого дарит людям свет и блаженство Гелиос.
6. Имя наиболее известного и почитаемого мастера московской школы иконописи, книжной и монументальной живописи XV века.
7. Римский император, отличившийся уровнем безумия после Калигулы. Издал указ об убийстве Сенеки.
8. Автор, прошедший через Ад и Рай, чтобы воспеть божественную благодать в лице своей возлюбленной.
9. Персонаж анекдотов. Он был ... на пьедестале, потому что он мудак.

ЧЕРТЫ УТОПИЯ

За старцем Утопия началась погоня. После расшифровки письмен он вновь использует их, чтобы не дать мародерам уничтожить культурное наследие. Сможет ли кто-нибудь расшифровать его слова?

ПОСОБИЕ ПО СЯМНИЗДАТЧУ

1. Данная публикация выходит малым тиражом → прочитал сам – дай другому.
2. То же самое касается рекламы → поддержи проект – разрекламируй его, расскажи о нём друзьям.
3. Данная газета создаётся руками волонтеров и альтруистов, поэтому мы всегда рады уникальным идеям, искусным произведениям и хорошо написанным статьям. Присылайте статьи на e-mail: sicber@mail.ru. Будет грамотно написано – опубликуем. Издательство оставляет за собой право редактировать текст.
4. На опубликованные материалы может прийти неположительная критика.

Газета печатается раз в 2-4 недели тиражом 50 экземпляров.

Внимание! Редактор выражает благодарность Глебу Пихлакасу за предоставление принтера для распечатки!